

1868

С. М. Горький

1936

Лев ПАСЫНКОВ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Молодым литераторам, приехавшим в «Летопись», Горький быстро подавал руку: — Давайте знакомиться. Пенков, При- несли что-нибудь?

Усаживал в кресло, сам садился на край стула.

Перевернул страничку, произносил с вы- ражением горячего доверия:

Хочется прочитать что-нибудь хоро- шее. Мало пишут хорошего.

И я, повидимому, тоже — не очень.

Почему ж «не очень». Будем наде- яться.

Посетитель поднимается и, прирученный неуловимыми законами редакций, робко говорит:

Через месяц позвоню...

А вы, не зная...

Так я через два — сам загляну.

И не через два, а в четверг, в два. Приходите в четверг, потолкуем. Итак, по- слеавтра...

Так скоро?

Горький поднимается и говорит как бы с обидой.

А я — не человек? Мне тоже, чай, хочется почитать на ночь... что-нибудь этакое...

И шелкает пальцами в воздухе.

Писателю, принесшему новеллу в духе тогдашней литературы, тут же прочитан- ную:

Новелла, горе какое, не печатаем. А печатаем что-нибудь поближе к жизни.

Обдумайте; вещи своей пока не рвите. Она может пригодиться декадентам, Феодору Сологубу. Все же рекомендую, сле- пайте паузу, поглядите на жизнь и жизни дайте приглядеться к вам. Литература, это, извольте-ка видеть, дело совместное.

Горький покашался; поглядел в платок:

Совместное с жизнью.

Молодой человек тихо удаляется. А. М. провожает его к дверям и тихо гудит, держа платок за спиной.

Очень прошу...желательная пауза. Ду- маю, придет к вам. А уж я и наборщик всегда к вашим услугам. Но принесите, пожалуйста, только... совместное...

Вы пишете, — говорит мне Горький, возвращаясь к столу: — «Беременная женщина», а я, вот, беременным никогда не был. Пишите: «беременная». Хватит. Пойм- ыт — кто. Чертайте побольше, оставляйте- те необходимое; принесите, будем печатать.

Лето 1916 года. Сырая петербургская жара пропитана салым дымом больших пожаров торгашских неподалеку от стои- цы. Окна закрыты. В квартире А. М. на Кронверкском двое — хозяин и гость. По- жилая женщина вносит поднос с чаем.

Горький, ежа крупные морщины лба, с уг- ловатым известным поднимает металли- ческую тарелочку с несколькими сухими, наполненными разными сортами варенья.

Что вам в этой карусели вязнуло- сть? Позвольте за вами похаживать. Не приходилось отвеждать варенье из гоню- бобеля? Эссенций не богатых, но дымок... дымок приятен — не торфяной. Гонюбо- бели собирали ребятишки...

Горький курит, записывая длинную ноту за ноту, поглядывая на гостя.

Надо вам пробираться к большому труду.

По размеру?

А хотя б и по размеру. Ленины, су- дарь. И разбрасываетесь. И логики у вас, чорт бы вас побрал, никакой. — Длинные ноздри А. М. расширяются: — Логик, правда, никакой, — продолжает он, — но калда она... и тучки на ней золотые и тучечки, как горюхи, прожигают... а гор- ницной: «ду-у-у-у», то шипит же...

Алексей Максимович, — жалобно го- ворит гость, — но я никогда не писал ни- чего подобного.

Ах, как вы не понимаете, — с неудо- вольствием говорит А. М., беря свой под- ставкиник с чаем. — Это пример. У вас есть чувство портрета, и это должно воз- мещать белоснежные логики. Вы прощаете?

Вас? Да. Но себя...

Те-те-те. Мало ли у кого чего не- хватает. Вот и начните большую вещь. Вы что сейчас пишете?

Ничего такого... рассказец.

Горький отхлебывает чай, курит.

Если «ничего такого», то — не стоит. А я вам, знаете ли, хотел предложить те- му. Но может, это нарушило б ваш ре- жим?

Да... а совершенно свободен.

Ага...

Опустив веки, Горький кладет на край стола дымящуюся папиросу и, не подни- мая глаз, ровным голосом, как бы прислу-

шиваясь к себе, говорит о том, что хоро- шо бы человеком, который не владеет со- юетным, крепким мастерством, писать портреты.

Взять семью. Непременно маленький го- родок, по-своему серый, по-своему жи- вописный. Родоначальник семьи затеял из местных торфов готовить картон и обер- точную бумагу, или, к примеру, строит ко- жевенный завод. Жестокостью родона- чальник скопил деньги — жестокостью и недоеданием семьи. Вот везут бумагоде- лательную машину; сам хозяин подставил, для примера, рабочим, — плечо, а машина и завалилась...

И наш хозяин, — говорит Горький, все еще не глядя на гостя, блуждая взгля- дом по окнам, — тут и дал маленько соку. Но машину все же поставили. Хозяин под- лежался. И, когда давил рабочих, вспоми- нали ему, как сам он лежал под машиной...

Вы, конечно, по-своему... по-своему постройте, — нетерпеливо говорит А. М. и вытаскивает. — Начав с портрета, не- пременно продолжите портретами семьи. Слесье, жадные жизни, ничтожные и обильные смерти.

Он встал, стронул краем пиджака мунд- шук папиросы и роняет ее на пол:

Ворота представляют себе, железные, кованые, крытые мелкойю. А? И замки на воротах. Зачем. Не один замок, — протестует Горький, — на одном заводе два замка — один другого пудовой. Гм, — А. М. поднимает мундштук. — А на дво- ре — исхищенный из соседнего леса волк. Да, ручной волк. И на дочерей старика обратите внимание, ни одна не вышла замуж... Желанье есть, деньги есть, а...

И хохочет.

Он садится. Повесть, видимо, еще не сложилась, но уж в достаточной полноте вырисовалась, как ряд наметок; эти намет- ки он и подлагал гостю. А гость, холо- дя, а затем и со страхом слушал. И, на- конец, неосторожно воскликнул:

Да это все, Алексей Максимович, ваш роман.

Мой?

Ваш.

Погодите, — густым голосом, с неудо- вольствием возражает он. Я, во всяком случае, предполагаю, что это — ваша новая работа. Много портретов. Сяновья. Доче- ри. Золочки. Не соблазняет?

Он задумывается я минуту, быстро допивает чай:

Можно, конечно, и в маленькой ра- боте показать многое.

Он встал, и гость за ним идет в библио- теку.

Через много лет, в 1931 году, мы встре- тились в Горках. Машина остановилась по- тому, что на дорожке стоял А. М. Он в се- ро-голубой рубашке, повязанной светлым шерстяным галстуком, светлом костюме, в заманчивой рубашке, туфлях итальянского покроя, удобных для больших ног. Накло- няет голову к окнушко автомобиля. За стеклом вижу усы, выгоревшие на солнце лед и Сорренто. Горький всегда шутил; было это, казалось, не только от худо- бы, но и от внимания к вещам, к людям, к которым он прислушивался, как музы- кант к звуку струны. Прошли долгие часы, и позже, когда гости пошли купаться, на Москва-реку, сужу с хозяином, на пла- щатке лестницы над рекою и говорю о многом прошлом. Сытчен смех с реки.

Купаются, черти драповые. Приез- жайте, в будущем году будем плавать на- перегонки.

Вспоминаю тему, предложенную когда- то Горькому, и чувствую, на каком могу- ем сквозняке стоял я однажды. Кто еще открывал мне так много, дарил столько? Никто.

Так тот город, о котором мне говорил А. М., существовал — это его Дремов в «Еще Артемьевых»; не бумагоделатель- ная то была машина, а котел, не полк, а медведь. И все это было предложено мне, Мое?

И какая вышла книга у этого неразвора- жуемого расточителя своих богатств! Есть сорт темного, черногого перламутра. Он так же, как и белый перламутр, сохраняет всю нежную гамму. Могушая, боевая, бы- щая в цель книга.

А помните, Алексей Максимович, ка- кой сюжет вы мне однажды предложили? — выпаливаю.

А. М. качнул головой, — нет, не по- мнит. Я совсем не убежден в том, что он забыл, но я «великодушней» его и не напоминаю ему подробностей.

Аветик ИСААКЯН ВЕЛИКИЙ ДРУГ

В 1899 году в Одессе как-то я бродил по огромной пристани в общей суматохе, когда вдруг пересо мной остановился бо- сяк с интеллигентным лицом и с гордым видом протянул мне руку, промовлял:

— Подайте во имя Максима Горького!

Я впервые услышал это имя, «Что это за новый святой?» — подумал я.

— Кто такой Максим Горький? — спра- шиваю я у босика.

— Это наш поэт, наш друг и наш фило- соф! — отвечает босик.

В тот же день я купую два тома рас- сказов Горького и читаю, читаю с увлече- нием, много раз перечитываю. Казалось, Горький писал для моей души. Я люблю поэзию скитаний.

Читая Горького, я странствовал вместе с ним и его босиками по России и в даль- ность: по Волге, по Крыму, по берегу Чер- ного моря, по Молдавии. Особенно по Вол- ге, по просторным привольным степям, где века подряд находили приют непокор- ные души, бежавшие от суровых законов московских царей, от насилия петербур- гских императоров; по Волге, которая была эллинической колыбелью свободы и дерз- ний, где развлеклись могучие песни необу- зданной воли, где происходили героиче- ские сражения и гремели имена Стеньки Разина и Пугачева.

Герои замечательных рассказов Горько- го захватили меня. Стихийные души, бу- нтари, они хотят уничтожить мешанский мир — мир, где ничтожные людские за- седи, как в тюрьмах, в своих жалких го- родинках, в хижинах, запутавших в сетях расбского труда и в смертельной душе- ственности.

А мир босиков свободен от оков, он про- тивопоставляет тупоумию, самодоволь- ствию, суеверию и корыстолюбию мешан- ства.

Бунтарская романтика гармонировала тогда с моими переживаниями. Максим Горький чудно выражал эти мои мысли и чувства и стал моим любимейшим по-э- том. Впоследствии я не пропустил ни од- ного из его произведений и читал их с большой любовью и интересом. И чем глубже я вникал в творчество великого писателя, тем яснее он вставал передо мной уже в другом освещении.

Прошла реакция 80-х годов. Россия в 90-х годах уже накопила революционный взрывчатый материал огромной силы. Она и политически, и экономически, и умствен- но созрела для широкой борьбы против царизма, против растущего русского капи- тализма, чтобы на их развалинах воздвиг- нуть новый свободный счастливый строй.

Не анархисты-бунтари, не люмпенпро- летарии должны были завоевать новый мир. Это была миссия молодого русского пролетариата, тесно связанного с трудо- вым крестьянством; они и представляли собой революционную Россию, Горький стал певцом грядущих бурь.

Максим Горький щеликом отдал себя со- циализму. Как романтик, он перед всем человечеством раскрыл будущий социалисти- ческий мир, новый мир, достойный высо- кой званности человека; как реалист, с худо- жественной правдивостью показал разла- жение капитализма; губительную власть денег, унизительное положение трудящихся, гибель творческих сил в котлах голода, нужды и болезни.

Он был сочувствен миллионам сердец, вы- ражал стремления миллионов, говорил ус- лавно.

С теплыми пожеланиями мы проводили нашего великого писателя.

Это была моя первая и последняя встре- ча с ним. Мы всегда с глубоким чувством благодарности будем вспоминать нашего искренного друга. В самые роковые, же- сткие дни истории армянского народа Горький был с нами. В период импе- риалистической войны, когда армяне, находившиеся в султанской Турции, по- терпев жестокой резне, Горький, подоб- но другому нашему великому другу, Вале- рию Брюсову, предпринял издание «Ар- мянского сборника» под своей редакцией, чтобы показать всему миру, как древний культурнейший народ отстаивает свою землю и свободу.

В заключение был продемонстрирован фильм «Максим Горький».

Вечер памяти А. М. Горького

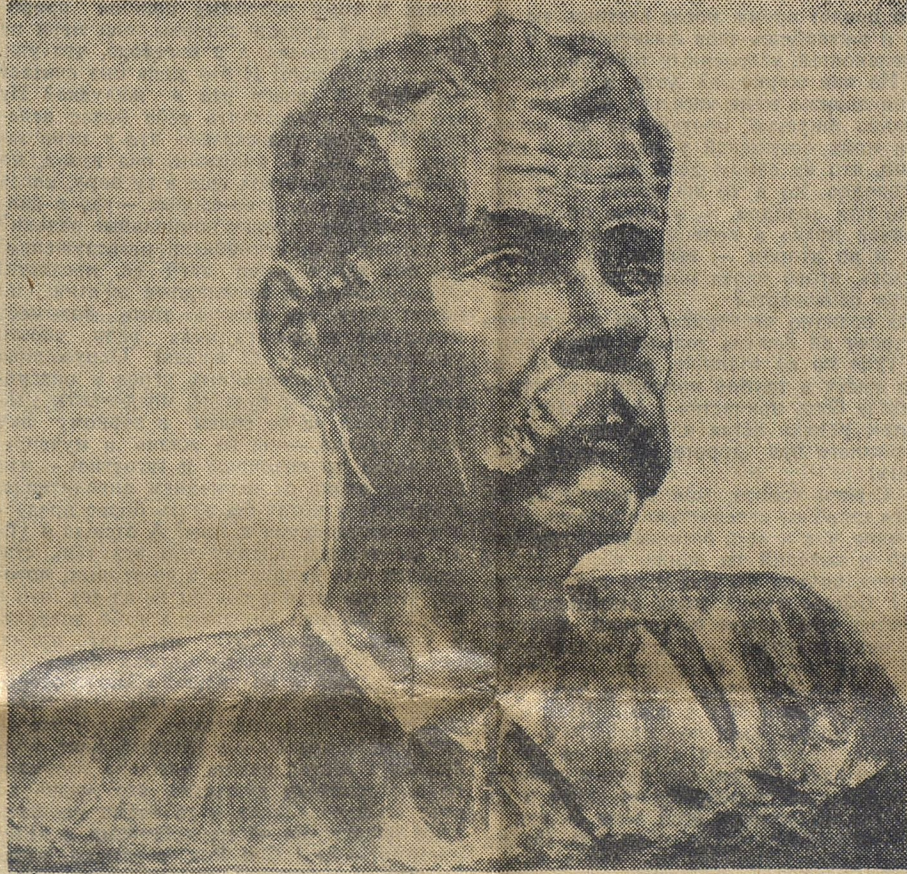
На вечере в Клубе писателей, состояв- шемся 13 июня, с речами и воспоминани- ем о А. М. Горьком выступили Бс. Виш- невский, С. Маршак и Л. Никитин.

Никто так не восхвалял челове- ческий разум, никто так не воспева- л человека, как Горький, — сказал Бс. Вишневский, открывая вечер. — В годы великой Отечественной войны он был нашим Дан- ко, который освещал бойцам дорогу к победе.

С. Маршак рассказал о двух своих встречах с Алексеем Максимовичем: пер- вой — в 1904 году, под Питером, в Пар- ковом саду, в Стасова и последний — в Крыму, в 1936 году.

После выступления Л. Никитина состо- ялся большой концерт, в котором приняли участие Э. Каминка, А. Горюнов, В. Бен- дина, С. Фадеева и другие.

В заключение был продемонстрирован фильм «Максим Горький».

А. М. Горький
Скульптура С. КОНЕНКОВА (1928 г.)

Мягким басом, покашливая, страдая, пел в пелену, он, в общем, ругал мой роман, но не так, как ругают обычно, а совсем иначе: со стороны можно было бы подумать, что роман еще не написан и что он, может быть, даже еще и не на- писан, и что вот Горький советует мне, как можно хорошо и, главное, просто написать такой роман.

Он ни единого слова не спугнул дейст- вующих лиц романа, помнил их фамилии, характеры, помнил сюжет, и от того, что он это все помнил, я сам делался лучше в своих собственных глазах, и мне делалось все легче и легче, и было даже такое мгновение, когда я позабыл, что передо мною сидит великий писатель Максим Горький и разговаривает со мною. Я что- то возразил ему, сказал:

— Нет, Алексей Максимович, это не так...

Разумеется, я мгновенно опомнился. Но именно с этой секунды разговор и стал настоящим интересом. И сколько раз впоследствии я замечал, как Горький раз- дражался от слишком легко соглашающих- ся и поддакивающих ему людей, как он говорил, говорил и вдруг замолкал, и в глазах его появлялось выражение скуки и усталости.

— Что нет? — с лукавым интересом спросил он.

Пересилив себя, я сказал, что именно нет. Он весело и страстно мотнул голо- вою, глаза его зажались, он заговорил.

— Если в человеке есть основание для будущего писательства, — сказал Горький, — то он не должен спрашивать ни у ко- го — писать ему или не писать. Нельзя спрашивать, понимаете? Настоящему пи- сателю можно тысячу раз говорить, что он никогда не голен, а он все-таки будет пи- сать, и ничего с ним не поделаешь. Он ве- дель, всегда будет писать, потому что не писать он не может. Да и советовать тут немудрено. Есть, знаете ли, авторы пер- вых книжек. Советская власть вызвала из- гуды народной тысячи, десятки тысяч ин- тереснейших жизней. В течение двух десят- ков лет люди проделали грандиозный путь. Вот к примеру, книжки. Написана не бо- весть как, но читать спокойно невозможно, горло перехватывает. И точность, и простота, а главное, есть человеку что сказать людям. Есть что рассказать. Пи- сатель он или нет? Не берусь судить, не хочу, но буду. Вот эта книжка толстая. Спра- шивает меня автор, стоит ли ей, видите ли, время тратить понапрасну на это зна- ние. Пришлось ей ответить довольно рез-

С. МАРШАК ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Было это в 1936 г., месяца за четыре до смерти Алексея Максимовича.

Горький зимовал в Тессели под Байдар- скими воротами, в старинном одноэтажном каменном доме, у моря.

Только в январе выпал в эту зиму пер- вый снежок. На ветях деревьев, покрыва- вали сивих. Дул вликий морской ветер.

Горький много работал в эти дни у себя в угловой комнате, которая была так раз- нительно похожа на его кабинет в Москве, на Никитской, под Москвой, в Горках, или в Сорренто против дымящегося Везувия.

Казалось, он возит свою рабочую ко- мнату с собой.

Где бы он ни находился, с ним везде были его книги, на столе лежали те же аккуратные стопки линованных бумаг с по- ями, такие же остро отточенные каранда- ши и новенькие перья.

Только здесь, в Крыму, в окно глядели другие деревья и другое небо.

Невысокий каменный дом с большой стеклянной верандой был затерян в старом парке, у пустынного берега моря, в сторо- не от проезжей дороги.

Но только что вышедшие книги, журна- лы, письма, газеты, радио и постоянные гости со всех концов страны связывали Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други- ми приезжими переступил порог памятного Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал горячо ин- тересоваться. Словно магнит, притягивал он к себе самых разных людей, и каждый чувствовал его внимание к своей деятельности, опыту и характеру.

Сюда, на Форосский берег, приехал и я для того, чтобы познакомиться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше вре- мя.

У меня еще кружилась голова от беско- нечных поворотов дороги, когда я с други-

